

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Н. З. Гаджиева

О ТРЕХ ЭТАПАХ ИЗМЕНЕНИЙ АНЛАУТНЫХ СОГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Изменения звуков в языках обычно характеризуются переходом из одного качественного состояния в другое и сравнительно редко представляют состояние неустойчивости даже в пределах одного языка. Ср., например, такие общеизвестные переходы, как изменения носовых $o > u$ и $e > я$ в русском языке: рус. *круг* из более древнего *кромг*, рус. *пять* из более древнего *пенть*. Ср. еще переход звука *л* особого качества в звук *ш* почти во всех тюркских языках, кроме чувашского: *кыш* при чуваш. *хёл* 'зима'. Показательно и изменение анлаутного тюркского *с* в *һ* в башкирском языке: татар. *сары* 'желтый' при башк. *һары*.

Однако состояние анлаутных согласных в тюркских языках, в особенности в диалектах, являет ничем не регулируемое соответствие глухих и звонких пар типа $n \sim б$, $t \sim д$, $k \sim г$, $c \sim з$, $ч \sim дж$ и т. д. Примером могут служить такие внутрдиалектные соответствия, как: азерб. диал. *палта* ~ *балта* 'топор', кирг. диал. *путак* ~ *бутак* 'ветка', казах. диал. *пал* ~ *бал* 'мед', а также к.-калпакск. диал. *пал* ~ *бал*, ног. диал. *пышакъ* ~ *бышакъ* 'нож', узб. диал. *пўтўн* ~ *бутун* 'весь, целый', туркм. диал. *палта* ~ *балта* 'топор' и т. д.

Такие необычные отклонения свидетельствуют о том, что здесь действуют закономерности особого рода.

Перебой непродыхательных согласных, т. е. превращение исходных звонких в глухие, известный и на материале языков других типологических систем (ср. германские языки), объясняется при допущении сильного экспираторного удара на первом слоге, которое не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких. Факты оглушения начальных согласных, связанные с ударением на первом слоге, известны не только на материале германских, но и прибалтийско-финских языков.

Современное состояние тюркских языков, и особенно их диалектов, хранит немало косвенных признаков, указывающих на правомерность гипотезы о первоначальном глухом анлауте.

1. Ударение на первом слоге и отсюда глухое начало связаны с такой типологической особенностью тюркских языков, как закон сингармонизма, поскольку ведущий гласный, на который ориентируются и к которому по действующему правилу приспосабливаются другие гласные, должен был быть более четко произносимым.

2. Отсюда наличие узких вариантов аффиксов в конечных слогах, т. е. непостоянство гласного элемента в аффиксах. Ср. аффиксы с двухрядным составом: *-ган// -гын*, *-гач// -гыч*, *-жак// -жык*, *-гала// -гыла* и т. д.

3. Гипотетически предполагаемое ударение на первом слоге ослабляло последующие слоги до возможности их полного исчезновения. Отсюда нередко при сопоставлении созвучных тюркских и монгольских слов тюркские слова оказываются короче монгольских (типа монг. *беки* 'крепкий' ~ тюрк. *бек/пек*, монг. *түне* 'мрачный' ~ тюрк. *түн*, *дүн* 'ночь' и т. д.).

4. Дифтонгизация долгих гласных в первом слоге, особенно ярко проявляющаяся в якутском и оставившая многочисленные следы в других тюркских языках, также указывает на первоначальное ударение, падающее на первый слог в тюркском праязыке. Ср. иллюстрации типа туркм. марыйск. *гыыз* 'девушка', узб. кураминск. *ийт* 'собака' и др., т. е. ударение на долгих гласных первого слога создавало участок напряжения, который ослабился путем создания дифтонга. Действующий в системе звуковых законов закон компенсации не допускал совместимости двойного напряжения, т. е. глухости и долготы.

5. Зарегистрированные в тюркских языках многочисленные случаи протезы — *й*-отовой, *х*-овой и *в*-овой также являются косвенным показателем ударения, первоначально падающего на первый слог. Начальное ударение, как правило (что известно по истории звуковых изменений различных языков), благоприятствует протезе, потому что оно создает так называемые приступы.

6. Первоначальное отсутствие сонантов *м*, *р*, *л*, *н* в исконно тюркских словах (есть основания рассматривать *м* как результат фонетического развития согласного *б*) является также одним из доказательств того, что начало слова действительно было глухим; поскольку, как известно, названные выше сонанты ведут себя в языке как звонкие согласные.

7. Подыскание пар слов с оппозициями глухих и звонких в тюркском анлауте довольно затруднительно. Если бы существовали в тюркских языках изначально и глухие и звонкие согласные, то они закономерно либо сохранялись, либо изменялись бы.

Фактический материал не дает оснований для выявления каких-либо закономерностей.

Второй этап изменений аналутных согласных в истории тюркских языков был связан с фонетическим процессом озвончения аналута.

Глухое начало слова содержит целый ряд лингвотехнических неудобств. Оно ограничивает дистинктивные возможности языка, поскольку исключает противопоставление фонем по глухости и звонкости. В последнее время экспериментально установлено, что основное количество информации падает на начало слова, поэтому звуки в начале слова должны быть более слышимыми. Тенденция к образованию звонкого аналута существует в самых разнообразных и разносистемных языках.

Звонкие согласные появились во всех тюркских языках без исключения, чему в немалой мере способствовало перемещение ударения. Можно предполагать, что перемещение ударения в тюркских языках было вызвано стремлением создать условия для звонкого начала в этих языках. Однако следует иметь в виду, что звонкий аналут, вероятно, возникал неравномерно в тюркских языках — бóльшая частотность аналутных согласных в огузской группе и мёньшая — в кыпчакской группе. Не случайно Н. К. Дмитриев по признаку преобладающих согласных в слове предлагал разбить тюркские языки на две условные категории: языки с относительно свободным типом начальных согласных и языки с относительно несвободным типом начальных согласных. К первой категории принадлежат языки с преобладающими огузскими элементами (азербайджанский, туркменский, гагаузский, южнокрымский диалект крымскотатарского языка), ко второй группе — языки с преобладающими кыпчакскими элементами (казахский, киргизский, ногайский, каракалпакский, узбекский и др.). Относительная свобода в выборе начального согласного для языков первой категории заключается в том, что эти языки допускают в абсолютном начале слов звонкие *д* и *г*, тогда как языки второй категории имеют соответственно глухие *т* и *к*. Таким образом, словам *дагъ* 'гора' и *гель* 'приходи' в языках второй группы будут соответствовать формы *тагъ* ~ *тав* и *кель*¹. Озвонченный аналут в азербайджанском, туркменском, а также кумыкском языках Н. К. Дмитриев объясняет как характерную черту для тюркских языков Прикаспия, которую следует связывать с вопросом об иранско-тюркском языковом скрещении². Такого рода объяснение озвонченного аналута за счет внешнего фактора довольно распространено в тюркологической литературе.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 14.

² Там же, стр. 37.

Представляется, что роль внешнего фактора в данном случае вполне допустима, однако не следует его переоценивать. Иранское влияние явилось лишь известным импульсом—ускорителем активизации фонетического процесса озвончения. Иранское влияние состоялось, поскольку оно было поддержано благоприятными возможностями фонетической системы тюркских языков; последним объясняется то, что процесс озвончения происходил повсеместно. И поэтому благодаря стихийному и вместе с тем системно обусловленному действию тенденции к озвончению анлаута в отдельных тюркских языках и диалектах произошло нерегулярное озвончение первоначально глухих, тогда как в других языках и диалектах в отдельных случаях могло сохраниться прежнее состояние.

Соответствие $\dot{y} \sim дж$, или аффрикатизация $\dot{y}$, отражает, как представляется, общую тенденцию к озвончению анлаута.

История различных языков знает довольно многочисленные случаи превращения начального $\dot{y}$ в позиции перед гласными в аффрикату $дж$. Начальный латинский j в положении перед гласными превращался в аффрикату $дж$ в истории испанского, португальского, каталанского, французского, провансальского и ретороманского языков. Древнеиндийскому начальному $\dot{y}$ соответствует аффриката $дж$ в некоторых новоиндийских языках. Превращение $\dot{y}$ в $дж$ происходило также в иранских языках. Известны случаи превращения начального $\dot{y}$ в аффрикатоподобное ∂' в угро-финских языках.

Если в разных языках начальный $\dot{y}$ в положении перед гласными довольно часто превращается в $дж$, то это уже не случайность, а определенная типовая линия видоизменения звука в этой позиции, определенная типологическая фреквенталия, которая может быть положена в основу вероятностного обоснования гипотезы о первичности начального $\dot{y}$ в тюркских языках.

Материалы ареального исследования свидетельствуют о том, что переход $\dot{y}$ в $дж$ не был внезапным, а вначале имели место многочисленные колебания, постепенный захват старого $\dot{y}$. Зарегистрированные зоны вибраций $\dot{y}$, $дж$, $ж$ отражают такие состояния языков, когда либо начинается аффрикатизация $\dot{y}$, но она не полностью завершилась, либо, наоборот, происходит йогизация $дж$ вследствие контактирований. Действовала и тенденция освобождаться от старого $\dot{y}$ как звука более слабого и заменить его аффрикатой $дж$. Сам процесс аффрикатизации $\dot{y}$ сохранил в реликтовом состоянии промежуточные ступени, в числе которых одной из ранних является ступень $\dot{y} > \partial/\partial'$, а вся схема может быть представлена в виде ряда $\dot{y} > \partial' > дж > ж' > ж > з$. Ср. казах. (в Кустанайской области): $\partial'узик \sim жузик$ 'кольцо', $\partial'уз \sim жуз$ 'сто'; галля-аральский говор Самаркандской области узб. яз.: $\partial'астык$ вместо $жастык$ 'подушка'; к.-калпакск. диал. $\partial'астык$;

азерб. диал. *думрух* вм. *йумрух* 'кулак', к.-балк. диал. *дулдуз* ~ *жуздуз* ~ *зулдуз* 'звезда' и т. д.

В тюркских языках, особенно в их диалектах, зарегистрированы многочисленные случаи внутрдиалектного соответствия *й* ~ *дж* ~ *ж*, с одной стороны, и *й* ~ *ч*, представляющего собой результат оглушения *дж*, — с другой. Чем же объясняется необычайная склонность начальных *й* и *дж* к диалектному чередованию? Звук *дж*, представляющий звонкую аффрикату, является достаточно слышимым, и не случайно, что в истории самых различных языков мира начальный *й* заменяется более звонкой и слышимой аффрикатой. Есть некоторые косвенные доказательства, свидетельствующие о том, что в тюркских языках, имеющих в настоящее время начальный *дж*, некогда ему предшествовал начальный *й*. Общей особенностью киргизского и алтайского языков Б. Юнусалиев считает выпадение аффрикаты *дж/дз* перед узкими гласными, например: кирг. и алт. *ыр* ~ каз. *жыр* ~ тат. *йыр* 'песня'; кирг. и алт. *ыраак* ~ каз. *жырак* ~ уйг. *йирек* 'далеко', 'далекий'³. В действительности аффриката *дж* не может утратиться перед узкими гласными. Для этого нет необходимых фонетических условий. Утрачивался здесь в действительности начальный *й*, который может утрачиваться перед узкими гласными типа *и*, *ы*. Возможность такой утраты хорошо подтверждает азербайджанский язык: ср. азерб. *ил* 'год', тур. *yıl*, азерб. *илан* 'змея', тур. *yılan*, азерб. *урәк* 'сердце', тур. *yüreк*. Следовательно, киргизская словоформа *ыр* 'песня' возникла в ту эпоху, когда в языке еще существовал начальный *й*. Когда он позднее превращался в аффрикату *дж*, то в ряде слов перед узкими гласными успел уже утратиться, откуда и современное киргизское *ыр* 'песня' из *йыр*.

Что касается сходно звучащих монгольских слов с начальным *дж*, например монг. *džiru* 'рисовать', тат. *jaz* 'писать', то такие примеры не показательны, поскольку превращение начального *й* в аффрикату могло происходить самостоятельно, подчиняясь той же тенденции к устранению слабых согласных в начале слова.

Помимо общей тенденции к замене слабого начального *й* более слышимой аффрикатой в языках могут существовать факторы, не благоприятствующие превращению *й* в *дж*, и факторы, благоприятствующие такому преобразованию. Так, например, наличие в языке или диалекте фонемы *ц* вместо *ч* не благоприятствует аффрикатизации *й*. Языки, для которых характерна ассимиляция начального согласного аффикса множественного числа и некоторых других аффиксов, более склонны к аффрикатизации. Исключение

³ Б. М. Ю н у с а л и е в, К вопросу о формировании общенародного киргизского языка, — «Труды Института языка и литературы АН КиргССР», Фрунзе, 1956, вып. VI, стр. 28.

составляет башкирский язык, в котором аффрикаты вообще отсутствуют, хотя ассимиляция развита довольно сильно. В языках, уже имеющих фонемы *й* и *дж*, как, например, турецкий и азербайджанский, *й* менее склонен к аффрикатизации. В языке типа татарского, в котором существует одна аффриката *ч* с сильно ослабленной смычкой, но не было *дж*, наблюдается частичная аффрикатизация *й*. Таким образом, такое фонетическое изменение анлаута, как озвончение, должно рассматриваться во всем объеме других сопряженных фонетических явлений в системе тюркских языков.

Известно, что якутскому начальному *с* в словах типа *суох* 'нет', *суол* 'путь' соответствует, например, в турецком *yok*, *yol*. Однако любопытно, что слово *якут* звучит в якутском как *саха*, что дает основания связывать *саха* и рус. *якут*. Очевидно, рус. *якут* отражает тот исторический момент, когда *саха* звучало как *йаха*.

Третий этап изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков связан со вторичным оглушением.

В свое время В. А. Богородицкий высказал весьма интересное предположение о возможности оглушения начальных согласных в некоторых тюркских языках под влиянием субстратов. Можно принять, пишет В. А. Богородицкий, что *ц* и *ж* представляют дальнейшее развитие *ј*, подобное изменению, например, народно-латинского *ј* в итал. *дж* и фр. *ж*, ср. итал. *guigno* и фр. *juin* 'июнь'. В Восточной Сибири — в тувинском, карагасском и хакасском — рефлексом данной фонемы является шипящий *ч*, представляющий собой приглушение по отношению к *ц*; это приглушение захватывает и диалект шорцев (алтайская группа), которые примыкают с запада к хакасам, и в этом соседстве можно усматривать причину одинаковости рефлексов, тогда как кызыльцы, самые северные в хакасской группе, обитающие в верховьях р. Чулыма, по которым ниже расположены чулымские татары, сохраняющие *ј* (как и остальные зап.-сиб. диалекты), имеют *ј*, так что и здесь географической близостью можно объяснить одинаковость отражения фонемы *ј*. Отступление якутского языка, показывающего *с*, т. е. свистящий спирант, представляется характерным и вместе с тем понятным, ибо в этом языке и первичное *ч* отражается в виде *с* (быть может, под иноязычным докающим влиянием), причем якутский рефлекс по своему приглушению гармонирует с названными восточными языками и диалектами. Рефлекс же *ч*, в последних результат приглушения *ц* из *ј*, представляет собой явление, родственное с приглушением *б*, захватывающим подряд сибирские диалекты, начиная от карагасского и тувинского на востоке и кончая кюэрическим и барабинским на западе⁴.

⁴ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань, 1953, стр. 106.

Для чувашского рефлекса *ç* принимается В. А. Богородицким в качестве предшествующего этапа аффриката *ц*, которая еще существовала в эпоху мадьярско-булгарских сношений (VIII—IX вв.), судя по мадьярским заимствованиям, и сохранялась до XIV в. в языке волжских булгар. Чувашский рефлекс *ç* (мягкий свистящий спирант) позволяет предполагать, что указанная смягченная аффриката могла представлять диалектальное чередование шипящего и свистящего типа, причем приглушение ее аналогично общему приглушению начальных звонких согласных в чувашском⁵.

Общая типология возможных звуковых изменений не дает нам оснований для непосредственного возведения чувашского анлаутного *ç* (*s'*) (типа *çул* 'дорога' ~ тур. *yol*) к *й*. *Ç* мог развиваться только через промежуточную ступень *дж*. Начальный *й* в положении перед гласным в древнечувашском превращается в аффрикату *дж*. Это, очевидно, совершилось в ту эпоху, когда в чувашском наряду с глухими согласными в анлауте существовали звонкие согласные, что подтверждают заимствования чувашских слов в венгерском языке. Ср. такие булгарско-тюркские заимствования в венгерском, как *béka* 'жаба', *búzâ* 'пшеница', *borsô* 'горох', *bor* 'вино', *dârâ* 'маиная крупа'.

Если бы звонкие согласные в начале слова не были возможны, *й* не мог бы перейти в *дж*, который позднее ослабился в *ж'* (*z'*). Затем, по-видимому, под влиянием марийского субстрата в древнечувашском языке происходит оглушение всех начальных звонких, после чего *ж'* (*z'*) переходит в *с'* (*s'*), сохранившийся и до настоящего времени. В пользу того, что в чувашском языке существовала переходная ступень *ж'* (*z'*) и современный *с'* (*s'*) представляет третий этап в изменении тюркского анлаута, свидетельствует, например, заимствованное коми-зырянским языком из древнечувашского слово *зеп* 'карман'. Аналогичное заимствование в удмуртском языке *зеп* отражает более древнюю аффрикату. Промежуточная ступень *з'* (*z'*) отражена не только в коми-зырянском, но и эрзя-мордовском, ср. эрзя-мордовское *зепе* 'карман'. В конечном же счете эти заимствования из древнечувашского восходят к арабскому *džaiḥ* 'карман'.

Анлаутный *й* в хакасском и шорском соответствует *ч* (*чер* 'земля' при тур. *yer*). Анлаутный *ч* также не мог непосредственно возникнуть из *й*. *Ч* является результатом оглушения промежуточной ступени *дж*.

Таким образом, в истории развития тюркского анлаута наблюдается три этапа — первоначально глухое начало, появление звонких и вторичное оглушение в ряде тюркских языков отчасти под влиянием субстрата.

⁵ Там же, стр. 107.